

ТОПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Андрей Артеменко²⁴

Abstract

The article is dedicated to the problem of topology of the social identity. According to the author, the idea of topological approach to the problem of identity needs to change attitudes to the role of space of social self. The author shows how the ideas of the state and citizenship were changed in the social philosophy in twentieth century. Modernity is characterized by the changing of attitudes to the value of the political and social structures. Individualization of society has led to the changing of the importance of social roles of a person, and the appearance of a new operating structure of the human world. The author proves the necessity of a new topos formula of personality which reflects the status of equality, law activism and fundamental social and political transformation of society. A citizen means the actor of the social space who changes the circumstances of his/her being in the world. The idea of 'returning of the actor' and 'personalization' of the society revealed the interdependence of a person and the environment.

Keywords: topos, topology, identity, personality, state, citizenship, nation.

Интерес к исследованию проблемы идентичности отражает особое отношение современного мира к проблемам внутренней свободы, индивидуальности человека, восприятия личности как деятеля и активного участника социальных процессов. Проблема идентичности из чисто теоретической сферы сегодня переместилась в плоскость практического применения как обоснование процессов глобализации и социальных трансформаций современных обществ, а также сопротивления этим процессам. Социально-политические и культурные изменения настоящего времени вызвали глубокий кризис систем идентичности. Как оказалось, модели определения себя личностью гораздо сильнее привязаны к социокультурным условиям, чем это считалось в конце XX века.

В связи с этим возникла концепция топологии идентичности как зависимости от окружения, социальных ролей, статуса и наоборот – зависимости окружения от присутствия человека. Эта концепция связана с применением методологии акторно-сетевой теории. Подход к рассмотрению феномена социального пространства, сформированный в рамках этой теории, выявил ряд продуктивных моделей объяснения социальных и несоциальных связей и их взаимной обусловленности. Б. Латур, Дж. Ло, К. Кнорр-Цетина

---

²⁴ Андрей Артеменко – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Национального фармацевтического университета (г. Харьков, Украина).

и др. сторонники акторно-сетевой теории удачно синтезировали и применили в социальной теории идеи Г. Зиммеля, М. Хайдеггера, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ж. Лакана. Однако предложенная методология более универсальна и может быть применена не только в рамках социологического исследования. Идеи топоса, сетевого морфогенеза, объектности, интеробъектности и т.п. вполне успешно могут быть применены для объяснения полноты сложных систем культурного, социального, политического взаимодействия. Топологическая методология дает возможность убрать линейные схемы объяснений, которые не работают при рассмотрении сетевых связей и образований.

В этой статье мы рассмотрим применение топологического подхода к философскому анализу некоторых аспектов проблемы идентичности. Во-первых, это аспект определения себя как социального субъекта. Во-вторых, мы рассмотрим идентичность как результат процесса проявления динамичной статики и статичной динамики социального субъекта, которые формируют топос идентичности. И, в-третьих, нам предстоит рассмотреть аспект определения социально-правового статуса идентичности. Нас будет интересовать не то, каким образом изменяется правовое определение статуса человека, а изменение системы сетевых отношений в обществе, которые вызваны появлением нового статуса человека.

Мы будем отталкиваться от трех методологических положений акторно-сетевой теории: 1) каждый объект структурирует пространство вокруг себя, образуя системы географического и сетевого взаимодействия; 2) пространство – порядок объектов, а объекты – пересечение отношений; 3) объекты сохраняют свою целостность до тех пор, пока отношения между ними стабильны и неизменны.

Первой задачей этой статьи будет показать, что понятия «личность», «актор», «социальный субъект», «гражданин» и т.п. появились как результат структурирования пространства вокруг себя. Я предстает как пересечение отношений, которые созданы порядком объектов. Однако главная сложность проблемы идентичности заключается в том, что объекты и пространства, созданные ими, находятся в «напряженных отношениях». Мы пытаемся структурировать наше окружение и сталкиваемся с тем, что М. Мамардашвили обозначил как «проблему совмещения». Определение дает нам форму, обозначенное «место». Разрушение или изменение формы не приводит к разрушению самого Я, поскольку Я – это точка построения проекции совмещения объектов вокруг нас.

Определяя себя через понятия «личность», «актор», «социальный субъект», «гражданин», мы создаем порядок объектов, которые образуют чувствительное к изменениям сетевое (функциональное и знаково-смысловое) пространство. Поэтому второй задачей этой статьи будет демонстрация зависимости этого пространства от характера определения Я.

Третья задача – обозначить проблему морфогенеза новых сетевых отношений в связи с изменением определения себя человеком в современном обществе.

Социальный субъект или попытка совмещения проекций актора и актанта

Топологический подход к рассмотрению проблемы идентичности требует изменения отношения к определению роли пространства, в котором происходит проявление Я. Понимание Я как способности создавать единство – это наследие философии XIX века, которое требует согласования с современными представлениями о самоидентификации личности. На это обратил внимание А. Турен, настаивая на том, что Я современного человека, несмотря на все проявления индивидуализма, полностью подчинено социальной интеграции, выполнению социальных ролей²⁵. Отношение к человеку как к деятельному фактору социально-исторических процессов, а не деятелю, – признак уже XX века, с его масштабными социальными движениями, мировыми войнами, политическими противостояниями, охватывавшими всю планету, глобализационными процессами. В этом разнообразии титанических преобразований мира человек рассматривался как «подвижный трудовой ресурс», деятельность которого создает «антропогенный фактор» природных изменений.

Активная деятельность личности как социального субъекта направлена на преобразование окружения, что приводит к постоянному уточнению места и состояния самого деятеля. При этом субъект, деятельность которого изменила окружение, превратился для нас в статичный пункт соединения физического и функционального пространств. Мы прибегаем к наименованию таких пространств, когда говорим о Риме Юлиев, сасанидском Иране, наполеоновской Франции или гитлеровской Германии. Таким образом, активность субъекта политической деятельности создает географическое, социальное и ментальное пространства со своими системами функциональных связей, физических объектов, знаковым и смысловым наполнением.

Изменения качества окружения, инициированные субъектом, требуют постоянной отсылки к единой условно статичной точке этого пространства – к самому субъекту, повторяя принцип софистической антропологии «человек является мерой всех вещей». Однако уже для негативной диалектики Кратила непрерывное, целостное и неизменное Я человека стало настоящей проблемой определения и субъекта, и окружения. К сожалению, для современников этого софиста его сентенция о невозможности войти в одну реку даже единожды, поскольку меняется не только вода реки, но и сам человек, – осталась лишь очередной риторической уловкой. Тогда как проблема гораздо глубже – это попытка понять зависи-

²⁵ А. Турен: *Повернення дієвця*, Перев. О. Гуджен, О. Подемченко, Т. Шваб, Київ: Альтерпрес 2003, 90–91.

мость не только человека от окружения, но и окружения от человека. По мнению Кратила, человек меняется, когда решает подойти к воде и когда входит в воду. Его желание и его опыт различаются. Вода, которую он видел, и вода, в которую вошел, имеют разное значение для него. Это тот самый эффект истории, который описывал Х. Ортега-и-Гассет, когда мы не можем повторить историю не потому, что не знаем фактов, а наоборот – по причине знания, поскольку, имея опыт исторического события, мы не в состоянии пережить его еще раз так же. Историческое событие, как и Кратилова река, которая отражена в опыте, имеет другой вид и другое значение. Это освоенная, захваченная человеком часть мира.

Безусловно, такая интерпретация больше напоминает модернизацию античной мысли, но мы в полной мере можем утверждать, что эта сентенция Кратила связана с идеей понимания человека и как актора, и как актанта. Этот софист открывает изменчивое Я человека, которое зависит от окружения и собственного осознания отношения к внешним факторам. Он попытался представить момент синхронных изменений окружения и человека.

Такой возврат к изменчивости Я состоялся с появлением идеи республики образов Я в философии Д. Юма, которая предусматривала выделение каждой топологической ситуации субъекта в отдельный Я-образ, который вместе с другими создавал Я-республику. Со временем эта идея возродилась как множество социальных ролевых воспроизведений в концепциях Дж. Мида и Й. Хейзинга.

Последние из приведенных философских концепций указывают на общую тенденцию возрождения онтологии субъекта – человек может «формироваться» из образов и ролей, которые ему даны социальным окружением. Это то, что Т.В. Адорно определял как «факт онтологической концепции крайнего случая». Он заключается в том, что субъект (в широком смысле слова) становится идеологией, которая скрывает объективные функциональные связи в обществе²⁶. Это объяснение ситуативности функций, «ролей», которые вытекают не из целостности Я, а из момента вынесения Я за ряды конкретных, эпизодических, предметных отношений. Объясняя это в фихтеанской терминологической традиции, Т.В. Адорно говорит, что не-Я (Nicht-Ich) определяет и исправляет Я (Ich), т.е. ситуативное поведение вытесняет Я за пределы реальных отношений. Такая попытка сохранить Я от порчи, избежать роковой диалектики изгнания человека из «центра творения» через создание второго Я, напоминающего «эрзац-копию» для одноразового использования. Зависимость от обстоятельств и необходимость действовать по необходимости – все это лишь попытка оправдания несовершенной или даже уродливой основы, которая образует единство Я.

В свою очередь хайдеггеровская «принадлежность к бытию», на которую ссылается Т.В. Адорно, наш взгляд, отнюдь не усиливает

---

²⁶ Т. Адорно: *Негативная диалектика*, Перев. Е.А. Петренко, М.: Научный мир 2003, 68.

ощущение бессилия. Принадлежность к бытию скорее дает повод для уравнивания статусов окружения и субъекта. Принадлежность и встроенность в бытие позволяют нам перейти к пониманию роли субъекта как актанта реальных процессов. При этом сам термин «актант» следует понимать в его филологическом и риторическом смысле: как объект, участвующий в действии, который имеет одинаковое значение для изображенного процесса, независимо от пассивности или активности его позиции. Актант – это условие события, его объектное обозначение, которое имеет пространственные признаки. То есть мы воспринимаем действие или даже бездействие субъекта (простое его пространственное присутствие) как «фоновое условие», элемент ситуативного окружения для других пространственно причастных объектов.

Для Т.В. Адорно принадлежность к бытию разоблачает субъект в его собственных слабостях и невозможности для него «выскочить из клетки своей субъективности». Но этот «выход из клетки» является невыполнимым не по причине слабости субъекта, а из-за зависимости окружения от самого субъекта. Т.В. Адорно отмечает, что то, что М. Хайдеггер понимает под предводительством, в действительности является лишь «индивидуализированным личным бытием и формой рациональной абстракции». Поэтому мы можем говорить о вещественном окружении как условии превращения субъекта в актанта.

Вместе с тем встроенность в мир дает возможность осознавать деятельность субъекта как опосредованность действия другого. Взаимосвязь объектного окружения и субъекта требует понимания как гетерогенной системы отношений. Объект (вещь) не может принимать признаки деятеля, но его роль как окружения, определяющего специфику существования человека, формы активности и средства ее реализации, не исчезает. Не только географические условия, но и вещественное окружение или наличие определенных его качеств влияют на цели активности, формы организации и характер действий субъекта. Но эти постулаты социальной философии XIX века нуждаются в переоценке связей общества и личности, мира и человека с точки зрения современного человека, обогащенного опытом новых социальных условий. Концепции постиндустриального, информационного общества предоставляют такую возможность, но и тут следует учитывать почти полувековой период существования этих концепций и необходимость корректировки их главных теоретических позиций. Решение проблемы требует понимания топологии идентичности и анализа содержания ключевых понятий социальной философии – «индивид», «субъект», «актор», которые отражают топос человека в системах физического, функционального и символического пространств.

Анализируя смысловые нюансы понятий «индивид», «субъект», «актор», А. Турен отмечает, что каждое из них связано с другими двумя, поскольку отражает их логический и исторический генезис. Их можно обозначить как этапы формирования представления о человеке как деятеле. «Индивид» предстает как понятие,

которое выделяет человека из природного окружения и указывает на противостояние природы и человека. Это своеобразное пробуждение активной, разумной природы «покорителя мира», наследие гуманистической традиции Возрождения, ставшее основой современной антропологии. В эпоху Возрождения на смену осторожному отношению к окружающему миру пришел деятельный прагматизм. «Индивид» – понятие, которое, по мнению А. Турена, должно обозначить статус человека как победителя природы в себе, и эта идея А. Турена является лишь артикуляцией одного из главных тезисов Ф. Бэкона о стремлении человека победить в себе природу:

«Природа в человеке чаще бывает скрытой, иногда подавленной, но редко побежденной. Если ее заставляют, то она жестоко мстит за себя, установки никак не утоляют ее порывы, но только привычка может ее переделать и покорить. [...] в каждом человеке природа восходит либо злаками, либо сорной травой; пусть же он своевременно поливает первые и истребляет последние»²⁷. Такая своеобразная пропедевтика психоанализа эпохи раннего модерна впоследствии позволит перейти от идеи индивида к концепции «субъект».

Для начала Нового времени принципиальным было уличить зависимость индивида, «пронизанность» общей «мировой силой», духом, но «триумф модерности» меняет это отношение, создавая понятие «субъект». Ситуацию сдвига, разлома М. Мерло-Понти и А. Турен обозначают как переход от «индивида» к «субъекту». Фактически в этом процессе понятийной эволюции мы видим смену модели тотальности. Современность борется с ощущением того, что «я заброшен в природу, и природа не только вокруг меня, в объектах без истории, она видится и в центре моей субъективности»²⁸. Случайности приобретают смысл через их интерпретацию как историчности, что имеет искусственную по своему характеру природу. Это желание согласовать личностное и природное время, пространственное и временное сочетание «объектов без истории» с моим жизненным пространством, которое является историей. Субъект появляется, когда поведение человека рассматривается не только как физические движения с физиологической мотивацией, а когда природное окружение деятельности приобретает вид «культурного мира». Человек не живет в окружении воздуха, земли, воды. Его окружают объекты с искусственным происхождением и значением – это объекты культуры или сырье для производства этих объектов. По выражению А. Турена, модернизм во время своего триумфа стремится заменить эту подчиненность мира социальной интеграцией²⁹. Именно эти изменения приводят к рождению субъекта – того, кто структурирует окружение. Но пустота не допускается, и потому рациональное современное мышление

²⁷ Ф. Бэкон: *Опыт, или Наставления нравственные и политические*, Соч. в 2 т., Москва: Наука 1978, Т. 2, 438-439.

²⁸ М. Мерло-Понти: *Феноменология восприятия*, Перев. И. С. Вдовиной, С.Л. Фокина, СПб.: Ювента-Наука 1999, 442.

²⁹ Турен, указ. соч., 90.

заполняет освобожденное пространство социальными обязанностями и правами, действиями и задачами. Так же как и среда обитания человека превращается из природного пейзажа в пространство вещей, дорог, домов, полей и «источников водоснабжения». «Социализированная физика» заменяет систему природного окружения, а объяснения природных и ландшафтных изменений приобретают исключительно окраску общественных потребностей и динамики их развития.

Открытие социальной сферы, функциональное назначение человека как члена общества, намек на возможность социальных законов, подобных физическим, – все это создает «идеологию субъекта», которая неотделима от идеологии массы (партии, класса или нации). Общество приобретает значение «целого» и подается как воплощение Разума, в условиях развития интеграции личности в социальные процессы современной эпохи создает представление о тотальности общественных отношений.

Субъект, в интерпретации А. Турена, – это прежде всего деятельное, «разорванное на куски Я». Сексуальность, рыночная и социальная иерархия, интегрированность в предприятие (социального, культурного или производственного характера) – все это приобретает единство в условиях доминирования одной из составляющих социального пространства. А. Турен предлагает преодолевать множественность социальных Я благодаря возвращению к шеллингианскому тезису избрания основы для создания единства. Субъект как деятель, актер неразрывно связан с социальными движениями, но он является частью «социального тела», которая никогда полностью не отождествляет себя ни с группой, ни с коллективностью³⁰. То есть «часть социального тела» желает видеть себя объектом, который «пристроен» к определенной целостности и лишь передает ее движение.

По нашему мнению, такая противоречивая оценка смысла понятия «субъект», скорее всего, вызвана изменением сферы его применения. Понятие «субъект» возникло в модернистской социальной философии для обозначения ситуации напряжения и противоречий. Это понятие должно было отражать, с одной стороны, процессы осознания человеком своих прав и собственного общественного значения, а с другой – возможность отстоять свои права только с помощью объединения с подобными себе социальными деятелями. С помощью понятия «субъект» создавалась ответственность таких объектов, как нация, гражданство, государство, которые стали проекцией совмещения актантной и акторной динамики Я.

---

³⁰ Турен, указ. соч., 91.

Как трансформация понятий «личность» и «гражданин» изменила объектность общества

Возрождение идеи правового статуса личности как равного и самостоятельного субъекта политических, экономических, культурных процессов потребовало значительных интеллектуальных усилий и постоянного согласования границ сферы действия субъекта. В свое время «Речь о достоинстве человека» Пико делла Мирандолы создала идею человека как творения «неопределенного образа», что не подпадает под общие законы мироздания и не зажато образами других произведений. Неопределенность позволяет человеку самому создавать свой образ по собственному желанию.

Но впоследствии гуманистический образ человека как активной творческой личности попадает в плен социальной рациональности, где обстоятельства заставляют устанавливать порядок, формализовать критерии социальной идентификации, согласовывать действия всех членов сообщества. Гуманистическая идея приобретает правовой подтекст вместе с образованием четкой формы юридических отношений и конституционных прав. На смену речам в защиту достоинства человека приходят правовые акты: Билль о правах (1689), Виргинский Билль о правах (1776), Декларация прав человека и гражданина (1789), конституции государств новейшей эпохи. Такой переход говорит о том, что социальная позиция модерности требует экстерииоризации норм и ценностей. Своеобразное представление Нового времени о правах личности как награде за вовлеченность в социальный процесс привело к идее правового равенства всех участников единого сообщества. Понятие «личность», как основа гуманистической концепции человека, принимает юридическое значение, приближаясь в своем значении к понятию «гражданин». Идея гражданства, по мнению Ю. Хабермаса, развилась из понятия «самоопределение»³¹. И мы с полным правом можем утверждать, что для модерности «гражданин» – это функциональный признак понятия «личность», внешняя ценность, в которой фиксируется правовой статус причастности к сообществу.

Подобная инверсия требует также изменения контекста применения понятий «личность», «гражданин», «субъект». Следовало сузить рамки говорения о человеке как части вселенной и увидеть его элементом определенного сообщества: государства, нации, класса или партии. Так «неопределенный образ» человека Пико делла Мирандолы получил четкую топологическую коннотацию – гражданин, член общества с определенными правами, которые должны постоянно уточняться и расширяться. Гражданин – это актер, деятель социального пространства, который меняет обстоятельства собственного пребывания в мире.

Наряду с трансформациями понятий «личность» и «гражданин» произошли изменения и в оценке общества как пространства деятельности гражданина. Ф. Дюбе по этому поводу заметил,

³¹ Ю. Габермас: Громадянство і національна ідентичність // *Націоналізм: Антологія*, Київ: Смолоскип 2006, 346.

что для модерности «общество» обретает воплощение лишь в национальном государстве, которое является исторической формой современных обществ, поскольку в лоне политического суверенитета объединяет «великое общество» современного рынка и специфику культур³². Это уже не устоявшийся мир государства трех сословий с ограниченными правами и фиксированным статусом, а community, где общая договоренность определяет цель и формы ее реализации. Такое общество не может существовать в виде образований «чернь и знать», а потому возникает новая широкая общность – народ как совокупность индивидов, имеющих чувство солидарности и политические цели. Нужна была новая формула топологического обозначения места личности, которая отражает статус равноправия, правовой активности и принципиальной социально-политической перестройки общества по желанию большинства.

Как отмечает З. Бауман, основные современные правовые документы (Американская Декларация независимости и Французская Декларация прав человека и гражданина) провозгласили право каждого человека на счастье, а обеспечение этого права стало главной функцией государства³³. Вместе с этим государство превратилась в условие, которое обеспечивает осуществление «индивидуального счастья гражданина» с помощью общих законов, защищающих равенство прав каждого. Именно поэтому для ранней модерности так остро стоит проблема суверенности власти и суверена, а государственность рассматривается как договоренность индивидов.

Массовое участие населения в социально-политических процессах современной эпохи, по определению Э. Смита, должно было побудить к превращению королевств в национальные государства³⁴. То есть образовался новый тип социальности, который отражал идею индивидуализации прав, поступков и участия в общественной жизни как защиту собственных интересов. По мнению Л. Гринфелд, состоялось семантическое преобразование «черни» в «народ», а «народ» в «нацию»³⁵. Даже статус короля, что было невозможно для предыдущей эпохи, превратился в представительский статус народа как суверена. Ж.-Ж. Руссо настаивал на том, что суверен – это не что иное, как коллективное существо, а государство – гражданское сообщество, «условная личность», жизнь которой заключается в союзе ее членов³⁶.

³² Ф. Дюбе: Соціологія суб'єкта і соціологія досвіду // *Повернення дієвця*, Київ: «Альгерпрес» 2003, 248.

³³ З. Бауман: *Индивидуализированное общество*, Перев. В.Л. Иноземцева, Москва: Логос 2002, XXXV.

³⁴ Е. Сміт: *Культурні основи нації. Ієрархія, заповіт і республіка*, Перев. П. Тарашук, Київ: Темпора 2010, 24.

³⁵ Л. Грінфелд: Типи націоналізму // *Націоналізм: Антологія*, Київ: Смолоскип 2006, 527.

³⁶ Ж.-Ж. Руссо: *Об общественном договоре: Трактаты*, Перев. А.Д. Хаютин, В.С. Алексеев-Попов, А.Ф. Филиппов, Москва: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле 1998, 167, 175.

Опосредовано через идею гражданства субъект приобрел правовую экстерииоризацию, а также стал исторически индивидуализированным как часть общего образования – нации. Как результат этих процессов возникли «смыслы истории», которые являются интерпретацией воплощения «прав нации». Объективность идеи общества приобрела наглядное научное, почти биологическое подтверждение в виде нации. «Вытеснение природы из субъекта» внезапно актуализировало потребность возвращения к естественному обоснованию социальной общности и стало необходимым шагом для отождествления субъекта со всем, что может быть названо «социальным».

Объект «государство» и объект «нация»

Индивидуализация Я посредством социальной общности – главная идея социально-правовой мысли XIX века, которая часто приобретала довольно противоречивые формы. Государство представало не просто как субъект правовых отношений, а как коллективная личность. Такая идея правового субъекта требует ситуации противостояния, при этом участники противостояния должны быть уравнены в своем правовом статусе и «объеме». Так на новом этапе сопоставления появляется антипод коллективной личности «государство» – общество. (У Т. Гоббса, Дж. Локка и Г.В. Ф. Гегеля эта оппозиция существовала, но с другими акцентами.)

В правовой теории появляется обновленная идея «суверенитета народа» сначала как договоренности между народом и сувереном, а затем как самовласти и способности конструирования власти, государственных моделей, идеологий. Итак, от идеи активной личности модернность перешла к идее гражданства, а от идеи народа – к нации как культурной, исторической, экономической и политической общности. Но со временем происходит дальнейшая модификация понятий «гражданин» и «нация».

Можно с уверенностью говорить о генетической связи идеи гражданских прав и национального государства у Дж. Локка и обоснования права наций на самоопределение и национальное государство в декларации Вудро Вильсона. Все это – события одного порядка: свободы самоопределения, права Я на создание собственного образа, о котором писал еще Пико делла Мирандола. Но именно это право и стало причиной противоречия концептов «гражданство» и «нация», этих форм социальности, которые служили для раскрытия и обозначения индивидуализации.

Если пространство – порядок объектов, а объекты – пересечение отношений, то мы видим процесс изменения «сетевой формулы» объектов «гражданство» и «нация». Эпоха индивидуализированного общества, о которой говорит З. Бауман, началась с теории общественного договора, а не с кризиса системы общества XX века.

Следует признать, что когда речь идет об идее нации как экстерииоризации идеи личности, то вместе с оформлением принципов

и географического пространства национального государства начинается процесс поиска другого, более универсального основания для самоопределения субъекта. Идея этничности нации, основанной на исторической, культурной, языковой, психологической и т.п. общностях, превращается в идею политической природы нации. Политическая нация строится на экономических и социально-политических интересах сообщества, а историческое укоренение, культурная общность – все это рассматривается как идеологический конструкт, который можно моделировать по желанию, как это убедительно доказал Б. Андерсон в работе «Воображаемые сообщества».

XX век действительно стал веком идеологий, которые определяли функциональное или сетевое пространство субъекта. Самоопределение через причастность к определенному сообществу доминировало в социально-философской и политико-правовой мысли последних четырех веков. Однако идея субъекта как ситуации столкновения требует продолжения, выходящего за пределы ее современного определения – нации, гражданства, политического сообщества. Эти три формы социального топоса выглядят как варианты идентификации по личному выбору или по соглашению с обстоятельствами. Но безусловным признаком каждой из этих форм и их совокупности является активный статус, который наделяет человека правами и заставляет действовать определенным образом. Прагматичность современной модели права нуждается в постоянной корректировке форм и последовательном снятии ограничений, которые выстраивались в результате создания соответствующих социально-правовых структур.

Индивидуализация и принцип субсидиарности как сетевая формула идентичности

Рубеж XIX–XX веков стал кульминацией противоречий идеи права человека на самоопределение и идеи национального государства. Процесс формирования национальных государств в Европе завершался, но полиэтнические империи сдерживали его. В этих обстоятельствах в политико-правовой мысли начала XX века возникает ряд концепций, которые пытались примирить тенденции развития форм экстернизации личности. Идея постепенного снятия ограничений прав человека и попытка избавиться от «навязанных извне» форм идентификации – эти тенденции довольно трудно внедрялись в законодательную практику, но эпоха революций стала временем появления уникальных правовых актов, подтверждающих нашу гипотезу о коренных изменениях в системе идентификации и поиска новых универсальных форм экстернизации личности. Среди таких правовых актов «Устав о государственном устройстве, правах и вольностях УНР» (Конституция УНР 1918 года) – документ, который никогда не был предметом социально-философского анализа, хотя содержит принципиально

важные идеи для понимания развития как правовых тенденций XX века, так и возникновения философской проблемы идентичности.

«Устав о государственном устройстве, правах и вольностях УНР» является примером воплощения теоретических разработок XIX века и свидетельствует о переходе к государству нового типа, который теоретически был спроектирован в рамках идей государственно-правового позитивизма. В Конституции мы впервые встречаем закрепленные правовым актом принципы субсидиарности.

Принцип субсидиарности, по определению О. Гьофе, заключается в том, что человек должен сам позаботиться о себе, а в случае крайней необходимости ему может быть оказана помощь кем-то посторонним. При этом в качестве такого постороннего выступает общество³⁷. Однако в пределах правового позитивизма субсидиарность больше похожа на реализацию принципа индивидуализма и защиты прав меньшинства. В этом контексте должен быть принят новый критерий оценки социальной активности как субсидиарной по своей природе деятельности.

Конституция УНР определяет цель создания государства в традиционном для модерности духе – для лучшей обороны своего края, для более определенного обеспечения права и охраны вольностей, культуры и благосостояния своих граждан³⁸. Это также отражает идею правового позитивизма об ответственности государства перед гражданином за соблюдение и защиту провозглашенных прав. То есть государство имеет традиционный вид коллективного субъекта правовых отношений, но в этом определении появляется существенное дополнение – «охрана культуры». Культура мыслилась столь важной сферой общественной жизни, что попала в Конституцию новообразованного государства в качестве объекта правовой защиты и критерия социально-правового статуса граждан. Безусловно, это был акт реализации идеологии субъекта, когда в рамках дискуссии о культурных особенностях развития этноса создавалась ситуация противостояния, образования топологического пространства «своего и чужого». В то же время в этом акте мы видим заложенное сомнение в универсальности представления о нации как культурно-историческом сообществе.

Безусловно, принцип субсидиарности проявился в тексте Конституции как демонстрация чувствительности к различиям и поиск новой юридической формы определения идентичности. Это одна из первых конституций новейшей эпохи, где зафиксирован принцип субсидиарности как «принцип оправдания прав снизу»³⁹. Этот принцип заключается в передаче «чрезмерных полномочий» государства гражданам и в перестройке всей системы распределения и легитимизации власти. Те права, которые переданы «землям, волостям и гражданам», выстраивают основу государства, где высшая

³⁷ О. Гьофе: *Демократія в епоху глобалізації*, Перев. Л. А. Ситніченко, Ж. О. Лозінська, Київ: ППС-2002, 112.

³⁸ Д. Яневський: *Політичні системи України 1917-1920 років: способи творення і причини поразки*, Київ: Дух і Літера 2003, 466.

³⁹ Гьофе, указ. соч., 115.

инстанция не может присваивать права и полномочия социальных образований, которые являются ее составляющими.

В Конституции УНР декларируется широкий спектр личных прав и свобод. Фактически статус гражданина охватил все ключевые представления о правах человека того времени. Но самой серьезной стала проблема национального самоопределения, исходящая из общей нормы шестой статьи Конституции – широкой автономии земель, волостей и граждан.

В теоретических исследованиях в области права, предшествовавших появлению Конституции УНР, в частности в работах Н.И. Палиенко, А.И. Петражицкого, Б.А. Кистяковского, было обосновано положение о том, что государство представляет определенную правовую организацию общественных отношений, в том числе и отношений, связанных с культурной (коллективно-психологической) идентификацией. То есть государство как коллективный субъект охватывает и направляет волю индивидов, организует их, и при таких условиях право выступает как констатация согласованных принципов объединения в государственную общность. Таким образом, государство превратилось в своеобразный гибрид гражданского общества и федеративного объединения. Но фактически этот гибрид представлял собой то, что О. Гьофе оценил как переход от архаичной федерации к субсидиарности. Это проявление «легитимирующего индивидуализма»⁴⁰, который приходит на смену идее легитимации через общность или культурную, или политическую.

На таком теоретическом фундаменте и были провозглашены основные положения Конституции УНР, которые демонстрировали последовательное отклонение от классических шаблонов понимания нации и государства, гражданства и этничности. Государство было названо ответственным за легитимные полномочия институтов, но вместе с этим декларировался отказ от концепции «государства-опекуна».

Идея персональной автономии в полной мере соответствует принципу субсидиарности, согласно которому устанавливается право на полномочия и запрет их забирать. Фактически в этом положении разрешается противоречие, которое мы анализировали выше, при рассмотрении идеи А. Турена об отдельности социального субъекта как актора. Как было отмечено, субъект встраивается в социальные отношения, но никогда полностью не отождествляется с одной группой, одной коллективностью. Это происходит именно потому, что изменилась правовая иерархия, основанная на «праве полномочий». То есть если для А. Турена субъект – это «часть социального тела», которая желает видеть себя как отдельность, но остается зависимой от определенной целостности и функционально лишь передает движение, то О. Гьофе в концепции субсидиарности выражает переход к идее индивидуализма как смещение ценностного центра с коллективного социального

⁴⁰ Гьофе, указ. соч., 112.

субъекта на отдельную личность. Гражданин выступает как субъект правовых отношений, не просто «передает движение», а перенацеливает его, то есть становится не обстоятельством, а причиной социальных преобразований, основанных на «праве полномочий».

Признаком перехода к новому типу государства и соответствующего ему типу правового мышления О. Гьофе называет «снятие с государства чар всеисильности», т.е. переход к идее государства, предполагающего переформатирование полномочий: государство не определяет полномочия субъекта, а получает полномочия в смысле делегирования части полномочий субъектов. Топологически это означает, что государство как объект меняет свою сетевую форму. В свою очередь трансформируется и правовое пространство, понимаемое как порядок объектов «гражданин» и «государство», поскольку оно изменило проекцию их совмещения.

В статьях 69-74 Конституции УНР вырисовывается конструкция государства, в котором отражена идея прав субъекта на самоопределение как главное право, структурирующее общество. Индивидуальный выбор граждан, а не «объективные основания» происхождения или рождения признаков, создает социально-культурные общности. Нация перестает быть только этническим или «наследственным» культурно-историческим сообществом. Она становится реализацией права выбора субъекта. В 71 статье Конституции УНР мы впервые видим закрепление права человека выбирать национальную принадлежность. Не гражданство или подданство полиэтнической империи XIX века, а именно национальную принадлежность! То есть понятие «нация» приобретает смысл «согласия быть причастным к культурно-исторической общности», а не «вынужденность быть таким по происхождению».

Получение гражданином широких политических прав, народом (нацией) статуса номинального носителя государственного суверенитета и верховной власти в государстве – все эти компоненты идеологии субъекта превращаются в компоненты идеи прав человека. Как справедливо заметил по этому поводу О. Гьофе, образ человека не только содержательно очерчен, но и ограничен в своей значимости, современный образ человека – индивидуалистический, и мы опираемся на этот образ, привязываем права, принадлежащие ему, только потому, что он является человеком, имеющим ограниченную значимость⁴¹.

С принципиально разных исходных позиций, но к единому выводу относительно ограниченности человека в его современных определениях как ресурса подошли и О. Гьофе, и Э. Смит. Привязка прав человека к определенной культурной модели или политическому сообществу – именно это можно назвать сетевой формой социальной идентичности эпохи модерна, поскольку предлагается модель определения личности лишь через общность с определенной социальной и территориальной локальностью.

---

⁴¹ Гьофе, указ. соч., 34.

Заключение

Проблема идентичности актуализируется сегодня не как затруднение в терминологических определениях, а как проблема «динамичной статики» представления о себе. Социальная философия XX века трансформировала идеи государства, гражданства, нации как правового сообщества и вместе с этим сделала наглядным парадокс социального развития современных и постмодернистских обществ. Борьба за устойчивость социального мира закончилась открытием «деятеля», который может не только зависеть от обстоятельств, объективных законов и процессов, но и влиять на окружающих только своим присутствием. Присутствие – это уже действие, которое активизирует топологические условия объектов, составляющих единое пространство.

В то же время произошло переформатирование понимания системы социальных связей, где понятия «субъект», «актор», «деятель» становятся лишними по причине своей антропологической перегруженности. Идеи «возвращения деятеля» и «индивидуализации» общества выявили зависимость человека от окружения и одновременно представили его в статусе актанта. Индивидуализация общества привела к уменьшению значимости социальных ролей, но также выявила действующие структуры окружающего мира, которые предстали в качестве самостоятельного актора.

Объекты, в окружении которых определяется идентичность человека, находятся в «напряженных отношениях», которые проявляются как отношение динамичной статики и статичной динамики окружения. Общество не состоит из социальных функций и факторов, но оно проявляется в них. В этом случае Я предстает как пересечение отношений, которые созданы порядком объектов, однако при этом порядок объектов меняет свою перспективу с изменением определения Я. Таким образом, если Я – это точка построения проекции совмещения объектов вокруг нас, то насколько можно говорить о морфогенезе сетевого пространства отношений, которое создается изменением точки проекции? По своей сути изменения социально-правовых отношений скорее напоминают смятие листа бумаги, чем его разрыв и образование новых форм. Поэтому индивидуализированное общество – это не новообразование, а, скорее, результат тех тенденций самоопределения человека, которые проявились в начале Нового времени.